

INSPIRIA

НАША
ПРОЗА

ЭМБАЗЕТ
ВУРТИЦЕЛЬ

НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАТЬ
СОДЕРЖИТ
18+

INSPIRIA

Loft. Женский голос

Элизабет Вуртцель

Нация прозака

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Вуртцель Э.

Нация прозака / Э. Вуртцель — «Эксмо», 1994 — (Loft.
Женский голос)

ISBN 978-5-04-184242-0

Это поколение молилось на Курта Кобейна, Сюзанну Кейсен и Сида Вишеса. Отвергнутая обществом, непонятая современниками молодежь искала свое место в мире в перерывах между нервными срывами, попытками самоубийства и употреблением запрещенных препаратов. Мрачная фантасмагория нестабильности и манящий флер депрессии – все, с чем ассоциируются взвинченные 1980-е. «Нация прозака» – это коллективный крик о помощи, вложенный в уста самой Элизабет Вуртцель, жертвы и голоса той странной эпохи. **ДОЛГОЖДАННОЕ ИЗДАНИЕ ЛЕГЕНДАРНОГО АВТОФИКШЕНА!** «Нация прозака» — культовые мемуары американской писательницы Элизабет Вуртцель, названной «голосом поколения X». Роман стал не только национальным бестселлером, но и целым культурным феноменом, описывающим жизнь молодежи в 1980-е годы. Здесь поднимаются остросоциальные темы: ВИЧ, употребление алкоголя и наркотиков, ментальные расстройства, беспорядочные половые связи, нервные срывы. Проблемы молодого поколения описаны с поразительной откровенностью и эмоциональной уязвимостью, которые берут за душу любого, прочитавшего хотя бы несколько строк из этой книги. Перевод Ольги Брейнингер полностью передает атмосферу книги, только усиливая ее неприкрытую искренность.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-184242-0

© Вуртцель Э., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

In Love with Prozac	7
Пролог	17
1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Элизабет Вуртцель

Нация прозака

Elizabeth Wurtzel

Prozac Nation

Copyright © 1994 by Elizabeth Wurtzel All rights reserved

Cover photo © Amy Guip

Перевод с английского *Ольги Брейнингер*

© Брейнингер О., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Я ненавижу себя и хочу умереть».

Курт Кобейн

«Нация прозака» демонстрирует редкую честность калибра эссе Джоан Дидион, раздражающий эмоциональный эксгибиционизм в духе «Под стеклянным колпаком» Сильвии Плат и сухой, темный юмор песен Боба Дилана.

The New York Times



«Нация прозака» для меня – о любви, о большой любви переводчицы *Ольги Брейнингер к творчеству* Элизабет Вуртцель. У книги сложная переводческая и издательская судьба в России, скажу только, что путь «Нации» здесь начался в 2019 году, однако все эти годы и усилия не зря. Дерзкие мемуары наконец попали к русскоязычному читателю.

Мария Головей, редактор

In Love with Prozac *признание переводчика*

Обожаю спорить (...)

Мне не нужно, чтобы вы были на моей стороне – я сама на своей стороне.

Все имеют право на мое мнение¹.

Элизабет Вуртцель

*(Но я позаимствую эту фразу в качестве
жизненного девиза. И вы можете.)*

У дебютного романа Элизабет Вуртцель «Нация прозака» было множество шансов стать литературным фиаско. Много ли шансов на успех у двадцатисемилетней писательницы, за плечами у которой из опыта только Гарвард, любовь к винилу и музыкальным рецензиям, награда журнала *Rolling Stone* за эссе о Лу Риде, красота (и привычка постоянно напоминать о ней всем вокруг) относительно беспечная жизнь и не проходящая обида на развод родителей.

И депрессия.

«Нация прозака» и не слишком богатый жизненный опыт Вуртцель могли не заинтересовать читателей.

«Нация прозака» могла оказаться обычным *campus novel*.

«Нация прозака» могла называться *I Hate Myself and I Want to Die*².

«Нация прозака» могла обернуться нарциссической хроникой страданий обеспеченной белой девчонки, раздумывающей о самоубийстве между лекциями, вечеринками и наркотиками в Гарварде³.

«Нация прозака», как и все, что когда-либо делала Элизабет Вуртцель, могла вызвать привычное раздражение критиков, писателей и друзей, и остаться просто книгой – одной из сотен тысяч книг, изданных в 1995 году.

Но «Нация прозака» стала национальным и международным бестселлером, а со временем превратилась в культовую книгу. К русскоязычным читателям роман приходит с опозданием почти в тридцать лет – серьезный отрыв, который мог бы сильно притушить, если даже не убить интерес к книге. Многие авторы, чьи имена, казалось, определяли литературу тридцать лет назад, сегодня словно застыли в бронзе и пыли. Темы теряют актуальность. Язык не то чтобы устарел, но словно потерял витальность и способность жить в голове у читателя.

С «Нацией прозака» ничего из этого не произошло – наоборот, кажется, что именно сейчас роман Вуртцель может стать “the It Book”⁴ для русскоязычных читателей. За тридцать лет она не утратила ни остроты темы, ни смелости подачи и ощущения вызова, что Вуртцель бросает всему миру, ни своей исключительной литературной харизмы.

«Прозак» был моим первым антидепрессантом, а сегодня кажется мне фармацевтической рухлядью, давно уступившей место фарме, что «быстрее, выше, сильнее»⁵. «Нация прозака» была моей первой книгой-двойником, книгой, непонятным образом забравшейся мне в

¹ Colin Dwyer. “Elizabeth Wurtzel, Who Stirred Conversation With ‘Prozac Nation,’ Dies At 52,” *NPR*, 7 January 2020. <https://www.npr.org/2020/01/07/794233422/elizabeth-wurtzel-who-stirred-conversation-with-prozac-nation-dies-at-52>.

² Любимая фраза Курта Кобейна. Вы еще встретитесь с ней в самом начале книги, поэтому пока не буду спойлерить.

³ Walter Kim. “[For White Girls Who Have Considered Suicide](#)”, *New York Magazine*, 5 September 5, 1994, p. 50.

⁴ «Той самой книгой» (сленг.) по аналогии с известным выражением “the It Girl”, которое идеально подошло бы Элизабет Вуртцель.

⁵ Хотя, конечно же, это моя ошибка восприятия, флуоксетин по-прежнему занимает место в топе самых часто прописываемых антидепрессантов.

голову и рассказавшей все за меня раньше, чем я набралась бы смелости. С первой страницы и до последней, с решения перевести книгу и нескольких лет в поисках издателя до знакомства с кем-то, кто верит в «Нацию прозака» так же, как и я, – все это время, открывая наугад любую страницу, я понимала, что Вуртцель так же продолжает говорить про меня, про тебя, про *Zeitgeist*. Удивительно для книги, о которой критики наперебой твердили: все, о чем Вуртцель говорит, – это я, я, я. У истории литературы неплохое чувство юмора.

Сильвия Плат с эго Мадонны⁶

Элизабет Вуртцель ворвалась в литературу как «девочка-скандал». Провокационным в «Нации прозака» было все: «неудобная» тема депрессии, неожиданная для двадцатисемилетней дебютантки литературная смелость и, наконец, наглая, местами непристойная и убийственно обаятельная откровенность Вуртцель, равно как и манера ее письма.

Двадцатисемилетняя писательница не постеснялась назвать главную героиню собственным именем, а книгу – мемуарами. И настояла на том, что на обложке может – нет, обязана – быть только она сама, чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений: перед нами не выдуманная история, перед нами – абсолютно откровенный рассказ Элизабет Вуртцель о себе и о своей борьбе с депрессией. Сегодня смелость этих жестов может казаться неочевидной, но в 1994 году дебютный роман Вуртцель «взорвал» литературный мир. Мемуары в двадцать семь лет – какая дерзость! Мемуары на триста с лишним страниц о собственной депрессии – невообразимо! Роман, основанный на личном опыте депрессии, особенно написанный женщиной, нарушал негласное литературное табу. В сочетании с формой исповедальной литературы – а Вуртцель взяла в ней настолько высокую ноту, что пронзительнее текста, кажется, и не представить – все это было, без преувеличения, настоящим прорывом. Вуртцель в одиночку совершила литературную революцию.

Депрессия, дерзость и харизма – именно они превратили Вуртцель в литературную рок-звезду. «Нация прозака» быстро приобрела статус культовой книги, а сама Элизабет – финансовую независимость и уверенность в том, что ей, культурной легенде, дозволено все. А еще тот особенный жизненный опыт и мировоззрение, которые неизбежны для «иконы поколения»: ощущение, что весь мир вокруг и ненавидит, и одновременно пресмыкается перед тобой⁷. Но, пожалуй, важнее всего было то, что ее публичная исповедь перед всем миром, «Нация прозака», «подарила ей свободу», и всю свою жизнь она «расходовала эту свободу беспечно и с огромной благодарностью»⁸ – в том числе и как писательница. «Я пишу только то, что мне хочется», «я могу писать так, как пишу только потому, что я такая, как есть», – напишет Вуртцель в одной из своих самых знаменитых поздних статей⁹.

И свою жизнь она прожила так же, как писала – свободно делала только то, что хотелось, целовала только тех мужчин, которых любила, и с любовью же принимала себя и собственный нарциссизм, превратив его в визитную карточку и одновременно – в лучшую защиту, обеспечивавшую ей неизменную веру в себя и полнейшую неуязвимость перед комментариями критиков. Она не читала рецензий на свои книги и смеялась, когда ей пересказывали самые колкие моменты. В этом она проявляла удивительную душевную щедрость: никогда не обижалась на своих критиков, некоторым позже помогала, а кому-то даже становилась другом.

⁶ Ken Tucker. “Rambunctious with Tears,” *The New York Times*, 25 September 1994, p. 11. <https://www.nytimes.com/1994/09/25/books/rambunctious-with-tears.html>.

⁷ Jia Tolentino. “The Chaotic, Beautiful Larks of Elizabeth Wurtzel,” *The New Yorker*, 10 January 2020. <https://www.newyorker.com/culture/postscript/the-chaotic-beautiful-larks-of-elizabeth-wurtzel>.

⁸ Elizabeth Wurtzel. “Elizabeth Wurtzel Confronts Her One-Night Stand of a Life,” *New York Magazine*, 14 January 2013.

⁹ Там же.

И как эта девица вообще получила контракт на книгу?¹⁰

Представлять книгу фразой о том, что ее или обожают, или ненавидят – страшная банальность. Но что делать автору этого предисловия, если клише в прямом смысле оживает: ведь *odilamo* распространяется не только на «Нацию прозака», но и на ее автора? Немногим критикам, как Митико Какутани, удалось сохранить нейтральный, аналитический тон, говоря о дебюте Вуртцель: «Одновременно выворачивающая наизнанку и смешная, полная самовлюбленности и осознающая свое несовершенство, “Нация прозака” демонстрирует редкую честность калибра эссе Джоан Дидион, раздражающий эмоциональный эксгибиционизм в духе «Под стеклянным колпаком» Сильвии Плат и сухой, темный юмор песен Боба Дилана»¹¹. Впрочем отдав должное стилю Вуртцель, Какутани отметила, что ее мемуарам не помешала бы серьезная редакция, особенно по части «упивающихся жалостью к себе пассажей, где читателю хочется потрясти автора за плечи и напомнить ей, что вырасти в Нью-Йорке семидесятых и отправиться в Гарвард – далеко не худшая судьба»¹².

Рецензию *Publishers Weekly* на общем фоне тоже можно принять за почти умеренную: «Временами эмоционально захватывающая, а временами утомляющая своим солипсизмом, книга [Вуртцель] балансирует на грани между увлекательным автопортретом и кокетливой претензией на всеобщее внимание»¹³. Но по большей части критики, стандартно отмечая эмоциональную силу и искренность повествования, предпочитали в деталях обсуждать и осуждать эмоциональную нестабильность главной героини и едва ли не соревновались в остроумии, подчеркивая заикленность Лиззи на самой себе. Вальтер Кирн из *The New York Magazine* отмечал, что, хотя «Нация прозака» и не лишена «хорошо написанных, убедительных эпизодов», в целом книга «абсолютно невыносима» и «поразительно эгоцентрична»¹⁴. Эрика Вернер на страницах *Harvard Crimson* задавалась вопросом: «И как эта девица вообще получила контракт на книгу? Почему ей разрешили написать эту дрянь?» – полную «непристойного эксгибиционизма», «у которого нет другой цели, кроме как заставить нас попеременно скучать или испытывать неловкость»¹⁵.

Kirkus Reviews обвинили Вуртцель в том, что она пытается получить все и сразу: «Ей хочется и того, и другого: одновременно быть и Главной среди Чокнутых, и голосом поколения». При этом «поочередно то умаляя свою депрессию, то придавая ей слишком много значения, Вуртцель теряет всякое доверие читателя: она или несносный подросток, который никак не повзрослеет, или правда нуждается в фарме. В конечном счете тебе на это наплевать»¹⁶.

Но победителем в этом конкурсе критики *ad hominem*, пожалуй, стал Кен Такер, предположивший на страницах *The New York Times*, что «можно было бы проникнуться к мисс Вуртцель большим сочувствием, если бы ее собственная жалость к себе так не действовала на нервы»¹⁷. «Не удивлюсь, если читатели станут пролистывать страницы одну за другой в тщет-

¹⁰ Erica L. Werner. «Prozac Nation: Elizabeth Wurtzel’s Unofficial Guide to Whining.» *The Harvard Crimson*, 29 September 1994. www.thecrimson.com/article/1994/9/29/prozac-nation-elizabeth-wurtzels-unofficial-guide.

¹¹ Michiko Kakutani. “The Examined Life Is Not Worth Living Either,” *The New York Times*, 20 September 1994, Section C, p. 19.

¹² Там же.

¹³ “Prozac Nation,” *Publishers Weekly*. September. <https://www.publishersweekly.com/9780395680933>.

¹⁴ Walter Kirn. “For White Girls Who Have Considered Suicide,” *New York Magazine*, 5 September 5, 1994, p. 50.

¹⁵ Erica L. Werner. “Prozac Nation: Elizabeth Wurtzel’s Unofficial Guide to Whining,” *The Harvard Crimson*, 29 September 1994. www.thecrimson.com/article/1994/9/29/prozac-nation-elizabeth-wurtzels-unofficial-guide.

¹⁶ “Prozac Nation. Young and Depressed in America. By Elizabeth Wurtzel,” *Kirkus Review*, 14 September 1994. <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/elizabeth-wurtzel/prozac-nation/>.

¹⁷ Ken Tucker. “Rambunctious with Tears,” *The New York Times*, 25 September 1994, p. 11. <https://www.nytimes.com/1994/09/25/books/rambunctious-with-tears.html>.

ной надежде найти пару бесплатных капсул “Прозака”, запрятанных в книгу, чтобы их отпустило»¹⁸.

Я хотела рок-н-ролла в тексте

Впрочем, никто не был безжалостен с Вуртцель так, как она сама. «Мне кажется, что себя саму я сделала худшим из персонажей. Мне кажется, я неприятнее всех», – признавалась Вуртцель – и в этом признании нет ни игры, ни кокетства. Плохие книги о депрессии часто романтизируют болезнь, выстраивая грубую связь между депрессией и артистическими наклонностями. Или же превращают депрессию в своего рода универсальную индульгенцию, оправдание любых поступков героя.

Вуртцель не выдает себе никаких индульгенций. Наоборот, чем больше ее героиня жалеет и оправдывает себя, чем больше требует того же от каждого, кто окажется с ней рядом; чем с большим упоением и вниманием к мельчайшим деталям она описывает свои страдания – тем заметнее ее нарциссизм, эгоистичность и самовлюбленность. Депрессия превращает Лиззи в невыносимое, монструозное существо и лишает ее симпатии друзей, равно как и читателей.

Эти метаморфозы облечены в интонационно безошибочный, точный текст. Вуртцель не допускает ни единой фальшивой ноты, описывая мысли и поведение Лиззи. Тем удивительнее, что, не стесняясь обвинений *ad hominem*, авторы разгромных рецензий так убежденно и подробно пишут о самолюбовании и самовлюбленности, эксгибиционизме и эгоцентризме Вуртцель, но не задают очевидного вопроса: почему же она столь нарочито и бескомпромиссно жестока со своей героиней – альтер эго?

Рейчел МакЛеннан очень точно замечает, что борьба против стигматизации депрессии создала вокруг Вуртцель ореол писательницы-бунтарки, нарушающей все возможные правила, а, может, и вовсе не замечающей их, ведь она так увлечена рассказом о себе. Акцент на сопротивлении, нонконформизме справедлив, но в то же время этот образ затмил собственно литературный талант Вуртцель, сложность ее письма и существенный вклад в развитие традиции американской автобиографической прозы. МакЛеннан настаивает на том, что и голос, и образ Лиззи – то есть ее нарциссизм, эгоцентричность и потребительское отношение к другим – все это тщательно сконструировано стилистически¹⁹. Голос Лиззи не идентичен голосу Элизабет Вуртцель, его гротескные, отталкивающие интонации придуманы и продуманы автором. В написанном в 2015 году специальном послесловии к роману Вуртцель объясняет, что ее творческая задача – максимально точно передать состояние депрессии, не смягчая изображения Лиззи и не пытаясь сгладить острые углы, – и эта установка напрямую определили стилистику «Нации прозака». Вуртцель сравнивает себя с Уильямом Стайроном: в «Зримой тьме» он пишет так, словно стесняется пережитой депрессии и пытается замаскировать самые темные ее проявления. А писательница-бунтарка делает все по-другому:

«Но мне хотелось просто взорваться. Я хотела писать, как лихорадочная. Хотела забыть все литературные условности, и сомнение, и самообладание, и соображения разумности, которые, как меня всегда учили, были признаками хорошего текста (...) Мне хотелось рок-н-ролла в тексте».

Придуманный ею рок-н-ролл – нарциссизм, отсутствие самоиронии, постоянное самозвеличивание – явно выдает свою искусственную природу, сделанность, в послесловии, где голос Вуртцель звучит совершенно иначе. Драматизм интонации не уходит окончательно, но

¹⁸ Там же.

¹⁹ Rachael McLennan. “Autobiography as Mediation and Mitigation: Elizabeth Wurtzel’s Prozac Nation (1994) and Porochista Khakpour’s Sick (2018).” *Comparative American Studies*, v. 18, 2, 2021, pp. 222. <https://doi.org/10.1080/14775700.2021.1988293>.

внимание рассказчицы здесь направлено не на себя, а вовне. Ее взгляд не прикован к зеркалу, но, наоборот, пристально изучает «Соединенные Штаты Депрессии» – мир, состояние которого Вуртцель пытается проанализировать и объяснить.

Объяснение, найденное МакЛеннан, как будто, лежит на поверхности – достаточно внимательно прочитать послесловие к изданию 1995 года. Но если критики это и делали, то предпочитали – случайно или намеренно – игнорировать объяснения автора. Тем более, что сама Вуртцель, кажется, наслаждалась возможностью играть в саму себя, стереть грань между собой и Лиззи, реальностью и «Нацией прозака». И эта игра тоже была частью ее бунта.

Икона Gen X²⁰/Что-то вроде гарвардской Бритни Спирс?²¹

В «Нации прозака» Лиззи очаровательно называла себя «сплошным беспорядком» – и Элизабет Вуртцель, несомненно, тоже им была. Она всегда опаздывала, говорила о себе и почти никогда о других, могла проспять фотосъемку, не сдать вовремя обещанный текст или напрочь о нем забыть. Во время книжного тура заказывала наркотики почтой *FedEx*, прямо в гостиницу, и не раз выводила из себя ведущих телевизионных шоу, игнорируя сценарий ради новой порции неприлично откровенных рассказов о себе. Например, о своей зависимости от кокаина и жизни в рехабе.

Она постоянно опаздывала на собственные чтения и встречи с читателями, даже не пытаясь придумать правдоподобные объяснения. В них, впрочем, необходимости не было: фанаты всегда были готовы ее ждать и прощали все, лишь бы Вуртцель оставила подпись на книге или аптечном рецепте на «Золофт».

Ее жизнь состояла из хаоса, нелепостей и спонтанных решений – как и положено «иконе поколения». Например, учеба в Йельской школе права, куда Элизабет пошла «просто так». Например, работа в юридической компании, начавшаяся за два года до того, как она, со второй попытки, сдала официальный экзамен штата Нью-Йорк на адвоката.

Например, судебное разбирательство с *Penguin*, которые подписали с Вуртцель контракт на 100 000 долларов, чтобы та написала «книгу для подростков, которая помогала бы им справиться с депрессией». Вуртцель получила аванс в 33 300 долларов, но, несмотря на все напоминания от издательства, так и не написала книгу. И не возвращала аванс до тех пор, пока суд не признал иск *Penguin* справедливым.

Например, экранизация «Нации прозака» – на редкость несчастливый фильм со скандальной судьбой (он был допущен к показу в Норвегии, но так и не попал на экраны кинотеатров в США, предположительно из-за противоречивого комментария про 9/11, который Вуртцель дала прессе), но зато – с гипнотической юной Кристиной Риччи в главной роли.

Например, обложка ее второй книги *Bitch*, для которой Вуртцель снова позировала сама. Правда, на этот раз – с обнаженной грудью, которую едва прикрывает протянутая к читателю рука, демонстрирующая средний палец.

«Я всю жизнь занималась тем, что сводила людей с ума», – позже напишет Вуртцель. «Если о чем-то нельзя говорить вслух, то я уже жду не дожусь прокричать об этом в окно. Я невозможна. Я никогда не понимала, откуда во мне вся эта необузданность. Не знала, почему именно мне вечно нужно быть провокатором. Я думала, что со мной что-то не так. Но однажды поняла, что со мной все так. Теперь я знаю, что такой родилась»²².

²⁰ Alex Williams. “Elizabeth Wurtzel Finally Grew Up, Like the Rest of Gen X,” *The New York Times*, 8 January 2020. <https://www.nytimes.com/2020/01/08/style/elizabeth-wurtzel-gen-x.html>.

²¹ Цит. по: Karen Walby. More, Now, Again: A Memoir of Addiction. *Entertainment Weekly*, 1 March 2002. <https://ew.com/article/2002/03/01/more-now-again-memoir-addiction/>.

²² Elizabeth Wurtzel. “Neither of My Parents Was Exactly Who I Thought They Were,” *Head Topics*, 30 November 2019. <https://headtopics.com/us/neither-of-my-parents-was-exactly-who-i-thought-they-were-9867126>.

После публикации второго романа, *USA Today* назвали Элизабет «чем-то вроде гарвардской Бритни Спирс»²³ – ей это понравилось. «Если худшее, что обо мне можно сказать – что я Бритни Спирс литературного мира... Ну правда, кто заполнит эту нишу, если не я?»²⁴.

Но если сравнение с Бритни Спирс и позабавило Вуртцель, вряд ли она приняла его всерьез. Ведь сама Элизабет проводила совершенно другую параллель – с Куртом Кобейном. Его слова открывают книгу, он – герой эпилога «Нации», ему посвящены последние строчки. Кобейн – пожалуй, главная икона поколения X – покончил с собой в 27. Вуртцель не вошла в «клуб 27» – наоборот, в этом возрасте она и опубликовала «Нацию прозака». Но она, очевидно, примеряла на себя этот миф и придавала значение совпадению чисел. Курт выбрал уйти, Элизабет – избежать «клуба 27» – но всю свою жизнь прожила так, будто была его частью. И в романах она представляет себя как трагическую героиню, которая обречена жить легко, красиво, невозможно страшно – на грани между жизнью и смертью. Но страшно только нам. А Лиззи Вуртцель даже нравится жить так, словно смерть – не будущее, смерть – часть настоящего.

В вечной тени дебютного романа

Чтение «Нации прозака» можно сравнить с поездкой на автомобиле, где Вуртцель, не давая пассажирам ни единой передышки, постоянно вдавливает в пол педаль газа, увеличивая скорость и драматизм. Ее фирменная манера повествования – неровный, ломкий, словно задыхающийся голос, лихо закручивающий один за другим бесконечные обороты сложноподчиненных предложений. Злая наблюдательность, броские, острые фразы – Вуртцель пишет сложно, насмешливо, нагло. Вуртцель пишет о депрессии и еще раз о депрессии – необъяснимым образом, впрочем, оставаясь интересной для читателя и не повторяясь ни разу за все триста с лишним страниц.

Чрезмерно впечатлительную натуру «Нация прозака», правда, доведет до головокружения или временного безумия; что касается самой Вуртцель, то она готова продолжать так до бесконечности: педаль тормоза в ее машине не предусмотрена.

И она продолжала, не изменяя своей фирменной манере, – во всех книгах, написанных и опубликованных после «Нации». Вот только читателям оказалось достаточно и одной книжной гонки с Элизабет за рулем. Ее новые книги привычно вызвали раздражение, но уже не очаровывали.

Вторая книга Вуртцель, *Bitch: In Praise of Difficult Women* (1998), собрала под обложкой неожиданный ряд героинь (среди которых – Джин Харрис, Энн Секстон, Сильвия Плат, Кортни Лав, Эми Фишер, Николь Симпсон, Лорен Бэколл, Рита Хэйуорт, Мадонна, Шер, Грейс Келли, Одри Хепберн и Одри Хепберн), а в прессе – крайне противоречивые отзывы. Годы спустя, просматривая рецензии на *Bitch*, хочется отдать должное сдержанной оценке и проницательности Карен Лерман в *The New York Times*. По мнению Лерман, несмотря на то что *Bitch* – «полна чудовищных противоречий, эксцентричных отступлений и лишенных логики выпадов, это также и одна из самых честных, проницательных и остроумных книг о женщинах, что выходили за последнее время»²⁵.

Возможно, Лерман одна из немногих разглядела в книге нетривиальный и действительно смелый взгляд на женскую сексуальность и власть. Перебирая выбранных Вуртцель героинь

²³ Karen Walby. "More, Now, Again: A Memoir of Addiction," Entertainment Weekly, 1 March 2002. <https://ew.com/article/2002/03/01/more-now-again-memoir-addiction/>.

²⁴ Там же.

²⁵ Karen Lehrman. "I Am Woman, Hear Me Whine. Elizabeth Wurtzel Celebrates Women Who Are a Pain in the Neck," The New York Times, 19 April 1998. <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/04/19/reviews/980419.19lehrmat.html>.

– «сложных женщин», Лерман отмечает оригинальный тезис о том, что «их сила и амбиции существуют не за счет их женственности. Особенно важный вклад Вуртцель состоит в том, что она не считает нужным оправдываться за то, что женская сексуальность дает огромную власть и считает, что женщины должны чувствовать себя вправе ею пользоваться»²⁶.

Это утверждение не только сближает Вуртцель с так называемым *do-me* феминизмом – «крайне сексуализированной версией *power feminism*, в рамках которого сексуальная свобода является ключом к независимости и эмансипации женщин»²⁷, но и в очередной раз приводит нас к столь важной для нее теме свободы. А возможность говорить о ее творчестве сквозь призму идеи *do-me* феминизма, «важным элементом [которого] является принятие и использование иронии как пространства игры и неоднозначности»²⁸, дает спасительную и желанную для поклонников Вуртцель возможность пересмотреть практически единогласные в своей негативной оценке рецензии на ее новую книгу, выпущенную в 2001 году.

Чтобы найти на *More, Now, Again* положительные отзывы, придется потратить немало времени и сил: третья книга Вуртцель не понравилась практически никому, а *The Washington Post* прямо назвали ее «литературным фиаско»²⁹. *More, Now, Again* поначалу кажется вторичным текстом, во многом дублирующим «Нацию прозака», с той лишь разницей, что Кембридж сменяет Майами, а «Прозак» – «Риталин» и кокаин. Что же касается главной героини – она стала старше, но ничего не изменилось.

Даже название книги звучит переиначенной цитатой из первой главы «Нации», где Лиззи не может остановиться, приняв первую дозу кокаина: “MORE! COKE! NOW!” Но вот что любопытно: почему мне, как и многочисленным критикам книги, повторение кажется авторской неудачей? Ведь и для меня, и для критиков и рецензентов, должно быть очевидным, что Вуртцель прекрасно осознавала, что в каком-то смысле создает книгу-реплику. Ее всегда возмущало мнение, что писатель не может возвращаться к исхоженным литературным тропам. Почему Джони Митчелл разрешено бесконечно петь об одном и том же, спрашивала она, а писатель не может себе этого позволить?³⁰

Конечно же, может. И чтобы доказать это (и вызвать у всех раздражение – ее любимое занятие) – Вуртцель создает книгу, которую так легко обвинить в самокопировании и так сложно прочитать с «чистым» сознанием, отказываясь от сравнений с «Нацией прозака» (а их Вуртцель максимально явно, «удобно» предлагает нам на каждой странице).

Что мы хотим видеть в Элизабет Вуртцель, кроме поставленной на репит с иронической усмешкой «Нации прозака»? Что на самом деле разворачивается в «пространстве игры и неоднозначности» ее третьей книги? Возможно, это книга о любви и невозможности любви. О женщине, которая сеет вокруг себя хаос и, обводя взглядом завоеванные территории, улыбается нарциссической улыбкой. Она влюблена в себя, она знает, что влюблена в себя, она знает, что все знают, что она влюблена в себя, она знает, что все влюблены в нее, потому что все знают, что она знает, что влюблена в себя. И она улыбается, ведь она всегда побеждает. И улыбается, чтобы никто не знал: она всегда несчастна.

²⁶ Там же.

²⁷ Genz, Stéphanie and Brabon, Benjamin. “5. Do-Me Feminism and Raunch Culture”. *Postfeminism: Cultural Texts and Theories*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017, pp. 139–154.

²⁸ Там же.

²⁹ Carolyn See. “Waiting to Inhale,” *The Washington Post*, 1 February 2002. <https://www.washingtonpost.com/archive/lifestyle/2002/02/01/waiting-to-inhale/4621053b-fb73-4d68-be8b-2da6d5cefcb4/>.

³⁰ Karen Walby. “More, Now, Again: A Memoir of Addiction,” *Entertainment Weekly*, 1 March 2002. <https://ew.com/article/2002/03/01/more-now-again-memoir-addiction/>.

Элизабет Вуртцель [никак не по]взрослеет

В январе 2013 года Вуртцель написала один из лучших своих текстов: откровенный лонгрид для *New York Magazine*, в котором с обычной патологической честностью рассказала о неприкаянной взрослой жизни, под которой задыхается так и не повзрослевшая двадцати с чем-то летняя бунтарка: «Впервые за долгое время почувствовала себя в Нью-Йорке уязвимой, потому что в сорок четыре оказалось, что моя жизнь не так уж и отличается от той, что я вела в двадцать четыре»³¹.

Несмотря на волну *Schadenfreude*, которую вызвал этот текст, поразительно, что даже в моменты саморазоблачения стиль и интонация Вуртцель по-прежнему способны захватывать дух и влюблять в себя. Напоминая, что она одна может с первой строчки вскружить голову и не отпускать никогда, что умеет сцеплять предложение за предложением запятыми и тире так, что пауз не остается, и приходит чувство полета. Удивительное писательское дыхание. И финальное признание Элизабет – «больше всего я ценю свободу» – показывает ее не жалкой взрослой женщиной, внутри которой живет потерянный и испуганный подросток.

«Я всегда делала выбор, не задумываясь о последствиях, потому что я знаю, что все что у меня есть – это здесь и сейчас. Может, позже меня тоже что-то ждет, но и разобраться с этим я буду позже. Я предпочту удовольствие чему-то практичному. Я, вероятно, единственный человек, который пошел на юридический просто так. Знать бы, о чем я думала со всеми этими “просто так”, прекрасными “просто так”, разлетающимися³² в разные стороны, словно птицы»³³.

Это слова взрослой, но отказывающейся взрослеть женщины, взрослой – и отказывающейся врать, что взрослеть – так прекрасно, так легко. Это слова Элизабет Вуртцель – той самой, что всю свою жизнь нарциссически посвятила бесконечному рассказу о самой себе и собственном нарциссизме, и ни разу не сфальшивила, превращая самолюбование в харизму, а харизму – в читательскую любовь – всю свою жизнь она посвятила тому, чтобы быть абсолютно свободной, и в своей свободе тоже ни разу не сфальшивила, не ошиблась, не пошла на компромисс и не попыталась скрыть от читателей ни единого своего взлета или падения.

Место на книжной полке

В «Нации прозака» Вуртцель сама называет книги, рядом с которыми ее роман должен встать на книжную полку. В первую очередь, это Вирджиния Вулф, Сильвия Плат и Энн Секстон, с которыми часто себя сравнивает Лиззи; почти так же часто критики упоминают «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера. Обязательно должна оказаться на «полке книг о депрессии» вышедшая на 4 года раньше романа Вуртцель «Зримая тьма» Уильяма Стайрона, с которым Элизабет не столько себя сравнивала, сколько спорила. (Впрочем, она яростно спорит и с Толстым и знаменитой первой строчкой «Анны Карениной» – и ее аргументы стоит послушать.) Дальше с уверенностью можно назвать «Прерванную жизнь» Сюзанны Кейсен, «Девственниц-самоубийц» Джеффри Евгенидиса и блистательную *Mount Misery* Сэмюэла Шема. А, впрочем, не только их. Как справедливо заметила в *The Guardian* Эрика Вагнер, роман Вуртцель открыл множество литературных дорог – и это не только тема депрессии, но и исповедальная проза, доходящая до «бесчеловечного саморазоблачения», и мемуары, написанные

³¹ Elizabeth Wurtzel. “Elizabeth Wurtzel Confronts Her One-Night Stand of a Life,” *New York Magazine*, 14 January 2013. <https://www.thecut.com/2013/01/elizabeth-wurtzel-on-self-help.html>

³² Игра слов: lark – жаворонок; do something on a lark – сделать что-то просто так, ради забавы.

³³ Elizabeth Wurtzel. “Elizabeth Wurtzel Confronts Her One-Night Stand of a Life,” *New York*, 14 January 2013.

молодыми женщинами, и истории зависимости, и книги, которые борются с другого рода стигмами. Вагнер называет свой список книг, на страницах которых чувствует незримое присутствие Элизабет Вуртцель: *The Kiss* Кэтрин Хэррисон, *A Million Little Pieces* Джеймса Фрая, и *Aftermath* Рейчел Каск, и *The Noonday Daemon: An Atlas of Depression* Эндрю Соломона, и даже «Мою борьбу» Карла Уве Кнаусгора³⁴.

«Полка книг о депрессии» рискует оказаться столь же бесконечной, сколь и спорной: уверена, что «Нация прозака» легко может стать центром очередного скандала, если каждый читатель будет добавлять или снимать с полки «идеально подходящие или совершенно очевидно попавшие сюда по случайности» книги. И все же предположу, что с одной стороны «Нации прозака» совершенно точно должна стоять книга Сильвии Плат «Под стеклянным колпаком». А с другой – и тоже совершенно точно – «Бесконечная шутка» Дэвида Фостера Уоллеса.

Вуртцель и Уоллеса объединяют не только долгие годы без русскоязычного перевода и тема депрессии, но и дружба, и не лишённый флирта переписка, и [чуть-чуть не] случившийся роман, и общие друзья (человеком, который взял на себя тягостную роль сообщить миру о том, что Элизабет Вуртцель умерла от рака в возрасте 52 лет, был не кто иной, как Дэвид Липски, известный своей книгой *Although of Course You End Up Becoming Yourself: A Roadtrip with David Foster Wallace*). И, самое главное, тексты о депрессии друг друга. В 1997 году Уоллес опубликовал в *Harper's Bazaar* рассказ «Личность в депрессии» (позже вошедший в сборник «Короткие интервью с подонками»), который принято считать (не самым лестным) литературным портретом Элизабет. Вуртцель же, узнав о самоубийстве Уоллеса, написала неожиданно сдержанный некролог *Beyond the Trouble, More Trouble*:

«Оборачиваясь назад, я просто очень сильно сожалею о том, что он не оказался менее хрупким, а я – менее сумасшедшей. Оборачиваясь назад, я не уверена в том, чей вариант жизненной философии надежнее: того, кто полон сожалений, или того, кто говорит *je ne regrette rien*. И еще меньше уверенности у меня в том, какой образ мышления однажды заставляет кого-то сказать: “Хватит – значит хватит”, чей подход в конце концов выматывает тебя сильнее»³⁵.

Уверена, что для кого-то прямое соседство Вуртцель и Уоллеса станет очередным скандалом: чаще, чем нет, «Вуртцель отказывают в равном с Уоллесом статусе ключевого писателя эпохи девяностых»³⁶ – впрочем, это «можно объяснить тем, что оценка литературной репутации часто определяется в соответствии со столь хорошо знакомыми иерархическими отношениями между настоящей «литературой» и ее бедной родственницей, “популярной культурой”, или же связанными с этим представлениями о гендере и значении в литературе»³⁷.

Готовая броситься на защиту Элизабет Вуртцель, я вдруг вспоминаю: Элизабет Вуртцель защита не нужна. Элизабет Вуртцель не важно, будет ли кто-то на ее стороне – потому что она сама на своей стороне. И она уже все сказала.

«Некоторые писатели пишут лучше, чем я, но нет никого, кто писал бы так, как пишу я, лучше меня», – объяснила она однажды (и навсегда) в интервью³⁸.

И это, конечно же, правда, абсолютная правда.

³⁴ Erica Wagner. “With Prozac Nation, Elizabeth Wurtzel blew open the memoir as we know it,” *The Guardian*, 8 January 2020. <https://www.theguardian.com/books/2020/jan/08/with-prozac-nation-elizabeth-wurtzel-blew-open-the-memoir-as-we-know-it>.

³⁵ Elizabeth Wurtzel. “Beyond the Trouble, More Trouble,” *New York Magazine*, 31 January 2008. <https://nymag.com/news/intelligencer/50515/>.

³⁶ Bran Nicol. “The ghosts of Elizabeth Wurtzel and David Foster Wallace: Depression, Sincerity, Hauntology,” *Comparative American Studies*, v. 18, 2, 2021, p. 247. <https://doi.org/10.1080/14775700.2021.1977560>.

³⁷ Там же.

³⁸ Цит. по: Karen Walby. “More, Now, Again: A Memoir of Addiction”, *Entertainment Weekly*, 1 March 2002. <https://ew.com/article/2002/03/01/more-now-again-memoir-addiction/>.

Признание переводчика

Когда я читаю Элизабет Вуртцель, мне хочется быть свободной.
А потом я вспоминаю, что я – свободна.
И вы тоже.

*Моей маме,
с любовью*

*Слишком рано в моей жизни стало слишком поздно.
Маргерит Дюрас. Любовник³⁹*

Комментарий автора: задолго до Дерриды и деконструкции Талмуд мудро заметил: «Мы не видим вещи такими, какие они есть. Мы видим их такими, какими являемся сами». Насколько мне известно, каждое слово в этой книге – полная и абсолютная правда. Но, конечно же, это моя правда. И чтобы защитить невинных – равно как и виновных, – я изменила большинство имен. В остальном, к несчастью для меня, каждая деталь правдива.

³⁹ Перевод О. Брейнингер.

Пролог

Я ненавижу себя и хочу умереть

40

И снова это чувство – будто что-то сломалось. Будто моего коктейля из лекарств – лития⁴¹, прозака, дезипрамина и тразодона⁴², что я принимаю перед сном, – уже не хватает, чтобы исправить все, что во мне испорчено. Мне кажется, что я – экземпляр с дефектом, что я сошла с конвейера на хрен раскуроченной и что родителям стоило отдать меня в ремонт до того, как истечет срок гарантии. Но это было так давно.

Я почти смирилась с тем, что депрессию нельзя вылечить, с тем, что счастье – бесконечная борьба, и мне интересно, не увязла ли я в ней на всю жизнь. И еще интересно, стоит ли оно того.

Мне кажется, что притворяться осталось недолго, что мое настоящее «я» вот-вот проступит наружу. Знать бы почему.

Может быть, все из-за того, что я слишком глупо распоряжаюсь жизнью. Не знаю.

Оцепенение, как яд, отравляет мои сны. По ночам меня преследуют видения, в которых мне парализует ноги, и хотя я все еще чувствую их, пошевелиться уже не могу. Я пытаюсь встать, идти – за продуктами, в аптеку, ничего особенного, бытовые дела, – но не могу. Не могу подняться по ступенькам, не могу просто шагнуть. В этих видениях я всегда жутко уставшая, а от сна еще больше устаю, если это вообще возможно. Я просыпаюсь такой разбитой, что не верю самой себе, когда мне удастся выползти из постели. Хотя такое бывает нечасто. В обычные дни я сплю по десять часов, а бывает, и намного дольше. Мое тело как никогда напоминает тюрьму. И я каждый день в тумане.

Однажды мне даже приснилось, что я лежу в кровати, распластанная, увязшая в простынях, словно раздавленное насекомое, прилипшее к подошве. Я не могу выбраться. Я так погрязла в своем нервном срыве, что даже пошевелиться не могу. Мама стоит рядом с кроватью и все повторяет, что если бы я правда хотела встать, я бы встала, и, похоже, ей никак не понять, что сейчас я в буквальном смысле не владею своим телом.

Мне снится, что случилось что-то кошмарное, что я полностью парализована, но кому ни скажешь, никто не верит мне.

И даже в той жизни, где мне удается проснуться, усталость преследует меня. Все говорят: «Может, у тебя вирус Эпштейна – Барр». Но я знаю, что все дело в литии, в чудодейственных солях лития, которые удерживают в норме мое настроение, но полностью истощают тело.

Мне хочется сбежать из жизни, накачанной лекарствами.

Я превращаюсь в камень во сне и в реальности, потому что мой сон словно и есть реальность, и у меня нервный срыв, и неоткуда ждать помощи. Нигде. Мама, похоже, просто махнула на меня рукой, не в силах понять, как она вырастила, ну, скажем, эту странную девочку в стиле рок-н-ролл, ту самую, что осквернила тело татуировкой, а нос пирсингом, и хотя она очень сильно меня любит, она больше не хочет, чтобы я бегала к ней за помощью. А отец вообще никогда этого не хотел. В последний раз мы разговаривали пару лет назад. Я

⁴⁰ «Я ненавижу себя и хочу умереть» (англ. *I Hate Myself and I Want to Die*) – любимая фраза Курта Кобейна. Курт часто использовал ее в интервью, отвечая на вопрос о том, как у него дела. Он также предлагал использовать эту фразу как название третьего студийного альбома Nirvana, но в итоге предпочтение все же отдали варианту In Utero. (Примеч. пер.)

⁴¹ Препараты лития – психотропные лекарственные средства, используются в лечении аффективных расстройств, депрессивных состояний и др.

⁴² Прозак, дезипрамин, тразодон – лекарственные средства из группы антидепрессантов.

понятия не имею, где он. Ну и, само собой, еще есть друзья, а у друзей есть своя жизнь. И хотя они не прочь обсудить все это со мной, проанализировать, повыводить гипотезы о том, что же мне нужно на самом деле, я не могу объяснить, чего я действительно ищу. Этого не объяснить словами: мне нужна любовь. Мне нужна та самая штука, которая происходит, когда мозг отключается, а сердце включается.

И я знаю, что любовь где-то рядом, вокруг меня, только вот я ее не чувствую.

А вот что я чувствую, так это страх оттого, что я взрослая, я одна в этом огромном-преогромном лофте, где так много CD-дисков, пластиковых пакетов, журналов, грязных носков и разбросанных грязных тарелок, под которыми уже почти не разглядеть пола. Я уверена, что мне некуда бежать, что я даже выйти не смогу без того, чтобы споткнуться и упасть, и я знаю, что хочу выбраться из этого бардака. Я хочу выбраться. Никто никогда не полюбит меня, я проживу свою жизнь и умру в одиночестве, ничего не добьюсь, стану никем. Ничего не получится. И обещание, что по ту сторону депрессии лежит прекрасная жизнь, ради которой стоит не убивать себя, – окажется ложью. И я останусь в дураках.

Ночь субботы вот-вот перейдет в утро воскресенья, и я лежу на полу в ванной, свернувшись, как эмбрион в материнской утробе. В волнах из черного шифона, раскинутых по кипенно-белым плиткам, я, должно быть, похожа на большую черную лужу. Я плачу и не могу успокоиться. Те двадцать с чем-то человек, которые сидят в гостиной, нисколько не встревожены тем, что со мной происходит, если они вообще что-то заметили между красным вином, затяжками оставленного кем-то косяка и мерным потягиванием Becks или Rolling Rock⁴³. Мы с Джейсоном, моим соседом по квартире, решили устроить вечеринку – правда, не думали, что зайвится сотни две человек. А может, и думали. Я не знаю. Может, в глубине души мы по-прежнему пара ботаников, что восторженно хватаются за шанс стать популярными в старшей школе, и мы понимали, на что идем.

Не знаю.

Кажется, абсолютно все пошло не так. Сначала Джейсон открыл дверь на пожарную лестницу, потому что в мешанине тел, несмотря на середину января, стало слишком жарко, а мой кот решил сбежать через шесть пролетов вниз, во двор, а там заблудился, испугался и принялся мяукать как сумасшедший. Я на нервах, босиком, так и побежала вниз, и было жутко холодно, и не по себе оттого, что пришлось возвращаться в толпу людей, и всем надо было говорить: «Привет, как дела?» – а они даже не знали, что у меня есть кот, на котором я помешана. Зэп и я ненадолго спрятались в моей комнате. Он свернулся на подушке, делая вид, что я сама виновата в произошедшем. А потом мой друг Джетро, заметив, как меня пугают все эти люди, предложил смотаться на Сто шестьдесят восьмую улицу за кокаином, чтобы немного поднять мне настроение.

Вообще я принимаю так много психотропных лекарств, что стараюсь избегать легких наркотиков. Но Джетро предложил найти что-нибудь, что хотя бы чуть-чуть поднимет мне настроение, что заставит меня выбраться из-под одеяла, и я подумала: конечно, почему нет?

Да, еще: возможно, меня так легко переубедить, потому что пару недель назад я перестала принимать литий. Не то чтобы я мечтала о смерти, и я точно не Эксл Роуз и не думаю, что литий отнимает у меня мужественность (он якобы перестал принимать литий после того, как первая жена сказала, что у него не стоит, как раньше, и секс стал отстойным; у меня-то нет аппарата и причин страдать такой фигней). Но около месяца назад я сдавала кровь в лаборатории, и оказалось, что у меня необычайно высокий уровень тиреотропного гормона (ТТГ) – раз в десять выше нормы, а это значит, что литий сеет хаос у меня в щитовидке, а это значит, что я могу просто слечь. Базедова болезнь, то есть проблема со щитовидкой, передается в моей

⁴³ Becks, Rolling Rock – марки пива.

семье по наследству, а если ее лечить, становишься толстой, а еще эти мерзкие выпученные глаза и куча симптомов, при одной мысли о которых я впадаю в депрессию сильнее, чем когда просто не пью литий. Так что я прекратила его принимать. Психофармаколог (мне нравится называть его офис «Домом Крэка на Пятой авеню», потому что он реально только и делает, что выписывает рецепты и раздает таблетки) сказал мне, что это ошибка. Если что и случится от лития, сказал он, то это будет базедова болезнь наоборот (это что еще значит? Что мои глаза съезжаются и будут как две мелкие морщинистые изюмины?), но я ему не доверяю. Он дилер, и продолжать грузить меня дурью в его интересах.

Но он был прав. Без лития я как будто начала растворяться. Иногда мы сидели с Джейсоном в гостиной, читая *rehab*, я тарыхтела без остановки, изливая на него все свои идеи, скажем, о распаде института семьи в Америке в конце XX века и о том, как это связано с упадком аграрного общества. В такие моменты Джейсон просто сидел рядом, погрузившись в статью, думая о том, заткнусь ли я когда-нибудь. Впрочем, большую часть времени я была другой: обессиленной, гладкой и простой, слабой, выцветшей.

Мне на самом деле нужен был литий. Но я твердо намеревалась с него слезть. И если кокаин сможет мне помочь, так тому и быть. Да, кокс вреден во всех смыслах, но, во всяком случае, от него у меня не будет заболевания щитовидки, и он не превратит меня в копию моей истеричной, измученной, переутомленной матери, только помоложе. Так что я занюхала пару дорожек в ванной вместе с Джетро прямо с диска *The Pogues*⁴⁴. Не прошло и пяти минут после того, как кокс поплыл в голове, как мне стало намного лучше. Я выбралась в гостиную, смешалась с гостями и стала знакомиться со всеми. Подходила к незнакомцам и спрашивала, весело ли им. Когда приходили новые гости, я встречала их поцелуями в обе щеки, по-европейски. Предлагала пиво или смешать «отвертку», показывала квартиру или куда можно бросить пальто. Говорила всякие фразы вроде: «Есть кое-кто, с кем вы просто *должны* познакомиться». Брала девушек за руки и тащила через всю комнату: «Слушай, там есть парень, он просто *твой*». Я была великодушна и общительна, и все такое.

Через пару часов меня начало отпускать. Я не пью, так что смягчить отходняк алкоголем не вышло. И внезапно все стало уродливым, гротескным. Жуткие голограммы скользили по стенам, как кислотные вспышки без цвета, без удивления, без какого бы то ни было наполнения. Внутри нарастала паника, словно что-то нужно было успеть до того, как меня окончательно отпустит кокс, и лучше бы до того, как я рассыплюсь окончательно. Парень, с которым я провела отвратную ночь и который пообещал мне позвонить и не позвонил, но зато заявился на вечеринку, и я поняла, что готова разобраться с ним. Отец, которому мне вдруг захотелось позвонить, пусть даже просто напомнить, что он так и не выплатил алименты за четыре года в старшей школе, когда я никак не могла найти его. И еще миллиард других дел, вот только я не могла вспомнить, каких именно. Все, что я знала, – я хочу прожить еще пару минут в этом зачарованном, волшебном, заведенном состоянии. Еще немного времени, чтобы побыть свободной, легкой, чтобы забыть про любые границы и ограничения перед тем, как вернуться в свою депрессию. Мне нужно было больше кокса. БОЛЬШЕ! КОКСА! СЕЙЧАС! Я стала шарить по ванной, выискивая пропущенные песчинки порошка, чтобы еще немного продержаться.

Пока я ощупывала раковину и шарила по полу, пришло странное чувство, что в восьмидесятых такое поведение, может, и было нормальным, но здесь и сейчас, в аскетичные и взрослые девяностые, оно казалось дико глупым и вышедшим из моды. И я напомнила себе, что жизнь – это не история, которую создают СМИ, и черт меня возьми, если я откажу себе хоть в чем-нибудь из-за Лена Байаса⁴⁵, или Ричарда Прайора⁴⁶, или кого-нибудь другого.

⁴⁴ *The Pogues* – англо-ирландская фолк-панк-группа, образованная в 1982 г., известность приобрела во второй половине 1980-х.

⁴⁵ *Лен Байас (1963–1986)* – американский баскетболист, умер от передозировки наркотиков.

Так что я собираюсь предложить Джетро вернуться в Испанский Гарлем и добыть еще немного этой дряни. В голове – планы, грандиозные мысли, списки всех, кому я позвоню, когда снова стану смелой под коксом. Я решаю провести ночь за работой над эпическим марксистско-феминистским исследованием про библейских злодеек, за которое планировала взяться последние несколько лет. А может, найду круглосуточный книжный, куплю «Анатомию Грея», вызубрю наизусть за несколько часов, подам документы на медицинский и стану доктором, и решу все свои проблемы, и чужие тоже. Все, я все решила: *все будет просто прекрасно*.

Но я падаю на кровать и начинаю биться в истерике раньше, чем берусь хоть за один пункт своего списка.

Кристина, моя лучшая подруга, заходит узнать, все ли в порядке. Заходят еще какие-то люди, ищут разбросанные по моей кровати пальто, а я огрызаюсь на них и посылаю всех к черту. И кричу на Кристину, требуя назад свою комнату и свою жизнь. Очередь переходит к Эпу, и его тошнит прямо на пальто, а пальто, видимо, принадлежит парню по имени Роланд – но раз уж он появился в мою ужасную ночь и в мой дом с таким именем, так ему и надо.

Я чувствую, всем телом чувствую, что сейчас взорвусь, хотя и сама не могу объяснить почему, а что еще хуже – ничего не могу с этим сделать. Больше всего меня беспокоит, что вся эта сцена, что я разыгрываю, свернувшись калачиком на полу в ванной, кое-что мне напоминает. Напоминает всю мою жизнь.

Прямо за французскими дверями, которые ведут в мою комнату, Кристина, Джейсон и еще кое-кто из друзей – Ларисса, Джулиан, Рон – устроили совещание. Я их слышу, слышу всю эту дискуссию полусшепотом, они явно не особенно взволнованы, не так, как бывало пару лет назад. Они видели все это много раз. Они знают, что я справлюсь, я выживу, это может быть жесткий ПМС, а может быть – скорее всего, – отходняк от кокаина. А может, причину и не нужно искать.

Так и представляю, как Джейсон говорит: «У Элизабет сейчас, ну, один из этих эпизодов». Представляю, как Кристина говорит: «У нее снова едет крыша». Представляю, как они говорят, что проблема в биохимии мозга, но что будь я умницей и принимай я литий, такого бы не произошло.

И когда я, спотыкаясь, добредаю до ванной, захлопываю обе двери и вжимаюсь в пол, я уже точно знаю, что они никогда не поймут философской дилеммы, объясняющей мое состояние. Я знаю, что когда я принимаю литий, со мной все в порядке, что я могу переживать взлеты и падения, могу встретить поражение с гордо поднятой головой, что я – хорошая. Но когда я остаюсь сама по себе, без лекарств, с головой, очищенной от дурацкой смеси разумного и нормального, я по большей части спрашиваю себя только вот о чем: почему? Почему надо быть мужественной в этой борьбе? Быть взрослой? Зачем смириться с несчастьями? Зачем благородно отказываться от безумств молодости? Зачем терпеть всю эту хрень?

Конечно, я не хочу вести себя как капризный, избалованный ребенок. Я знаю, что без тьмы не бывает света и все такое, но в моем случае истерика и кризис – это обычная, слишком обычная схема. Я думала, что все эти голоса в моей голове придут и уйдут, но, похоже, они поселились во мне надолго. Я же принимаю эти чертовы лекарства годами. Сначала мы считали, что они просто приведут меня в чувство, и тогда я смогу перейти к психотерапии, но сейчас уже ясно, что болезнь хроническая, и что если я намерена хоть как-то продолжать жизнь, то должна навсегда смириться с лекарствами. Одного прозака мне уже не хватает. Месяц без лития – и я чуть не тронулась. Я задумываюсь всерьез: может, я одна из тех людей, вроде Энн Секстон или Сильвии Плат⁴⁷, для кого смерть становится облегчением и кто может сколько-

⁴⁶ Ричард Прайор (1940–2005) – американский комик, актер, сценарист. В 1980 г. на съемках фильма «Буйнопомешанные» в состоянии наркотического психоза облил себя ромом и поджег.

⁴⁷ Американские писательницы Энн Секстон (1928–1974) и Сильвия Плат (1932–1963) – страдали депрессией, которая привела к самоубийству. Секстон отравилась выхлопными газами в собственной машине, а Плат выпила большую дозу сно-

то лет пожить простой, скромной жизнью, может даже вступить в брак, завести детей, оставить писательское наследие – и, возможно, оно будет чарующим и прекрасным, таким, какими, наверное, были и они сами. Но в конце концов ни одна из них не смогла жить с острой, бесконечной, доводящей до желания со всем покончить болью. Может, я тоже умру молодой и несчастной, оставив за собой только мертвое тело с головой, засунутой в духовку. Сжатая, как пружина, в слезах в разгар субботней ночи – я не видела другого пути.

Я, конечно, не знаю, что там со статистикой, но вообще, сколько может прожить человек, зависящий от психотропных препаратов? Сколько времени остается до того, как мозг, не говоря уже об остальном, начнет превращаться в кашу и разрушаться? Не думаю, что люди с хроническим психозом способны дотянуть до дома престарелых где-нибудь во Флориде. Или нет? И что хуже: жить в этом состоянии или умереть молодой и пока еще красивой?

Я встаю с пола, чтобы снять контактные линзы, которые и так выпадают, каплями выскальзывают из глаз в море слез. Сегодня линзы зеленые, случайный набор, который достался мне по акции «купи один набор и получи второй бесплатно»; когда я ношу их, я как будто прячусь за парой чужих, жутковатых, фальшивых глаз. Они превращают меня в сверхъестественное и бездушное существо, словно я пришелец с другой планеты или безжизненная степфордская жена, которая готовит, убирает и трахается с блаженной, идиотской улыбкой на лице. Из-за того, что линзы то и дело съезжают со зрачков, кажется, что у меня две пары глаз, знаете, такая больная фантазия про двойное зрение, а когда они выскальзывают окончательно, я вообще превращаюсь в ожившее тело, работа с выпавшими глазами из фильмов ужасов.

И я снова на полу.

Джейсон все-таки заглядывает ко мне, когда остальные уходят, уговаривает лечь спать и мямлит, что наутро мне станет лучше. И я говорю: «Бога ради, ты, придурок! Мне не нужно, чтобы утром стало лучше. Я хочу или расправиться с проблемой и решить ее, или умереть прямо сейчас».

Он садится рядом, хотя я знаю, что он предпочел бы сейчас зависать у своей подружки Эмили или еще где-нибудь. Знаю, что он даже предпочел бы мыть тарелки или подметать пол в другой комнате и собирать пустые бутылки и банки из-под пива, чтобы выбросить в контейнер для переработки. Я знаю, что сейчас я чудовище и что даже уборка приятнее моей компании.

– Джейсон, сколько мы знакомы? – спрашиваю я. – Лет пять, не меньше, с третьего курса?

Он кивает.

Часто ты меня такой видел? Часто видел, чтобы я рыдала где-нибудь на полу? Чтобы тыкала в запястье грейпфрутовым ножом и кричала, что хочу умереть?

Он не отвечает. Не хочет говорить «слишком часто».

Джейс, и так уже двадцать пять лет, всю мою жизнь. Да, время от времени наступали передышки, например, когда я влюбилась в Нейтана или начала писать для *The New Yorker*. А потом снова бьет по голове бессмыслицей жизни, и я слетаю с катушек.

Он что-то говорит про то, как литий помогает мне с этим. Все приводит в порядок.

Снова слезы, перемежающиеся короткими истеричными вздохами, и в конце концов я только и могу выговорить: «Я не хочу так жить».

И я плачу и плачу, а Джейсон уходит.

Его сменяет Джулиан и, оказывается, он потерял ключи и остается у нас на ночевку. Чувствую себя Элизабет Тейлор в роли Клеопатры, принимающей просителей в ванной на полу.

Джулиан несет всякую фигню про то, что счастье – это выбор, и что оно требует работы. Что это все, типа, просветление.

Он говорит, что надо верить.

Он говорит: «Давай! Улыбнись! Соберись!»

Какая же банальщина, поверить не могу. На секунду мне хочется отвлечься от происходящего и объяснить, как работает общение между людьми, чтобы Джулиан мог изобразить хотя бы подобие деликатности или эмпатии.

Вместо этого я продолжаю плакать.

Наконец он поднимает меня с пола, продолжая бормотать, что мне просто нужно поспать, а уже завтра утром мы достанем литий, и он ни черта не понимает, что не хочу я ждать утра, чтобы почувствовать облегчение, что жизнь меня слишком вымотала, что мне больше всего хочется вообще ничего не чувствовать. Я отталкиваю его, требую, чтобы он меня отпустил. Начинаю пинаться и орать, вот что я делаю. Бедный Джулиан. Я тыкаю его пальцами в глаза, заставляя отпустить, прямо как учили на курсах самообороны. Джейсон приходит на крик, и они вдвоем практически запихивают меня в кровать, и я вдруг понимаю, что, если не смириться, могут прийти люди в белых халатах, со смиренной рубашкой в руках и забрать меня, и эта мысль одновременно утешает меня и чертовски пугает, как и весь остальной мир.

Первый передоз настиг меня в летнем лагере. Кажется, это был 1979 год, мне тогда исполнилось двенадцать, и у меня были тощие ляжки, большие глаза, грудь, похожая на персики, обгоревшая под летним солнцем кожа – нежная и обманчивая красота девочки-подростка, у которой все хорошо, которая вот-вот повзрослеет. Как-то во время тихого часа я валялась на нижней койке двухъярусной кровати, наверху дремала моя подруга Лисанн, а я начала читать книгу с эпитафией из Гераклита: «Не будь солнца, мы бы жили в ночи»⁴⁸?

Не помню ни названия книги, ни сюжета, ни персонажей, только эпитафия неизгладимо отпечаталась в памяти, и с тех пор так и не выходит из головы. И как я ни пыталась вытравить его химическими коктейлями из лекарств, ни старалась заполировать, мне пришлось смириться с тем, что ты – это всегда ты, от себя не убежать.

Правда, есть вариант сдохнуть. Но, конечно, тем летом я не пыталась покончить с собой. Я вообще не знаю, чего я тогда хотела. Может, просто отключиться от своих мыслей. Побить кем-то другим, не собой.

В общем, я проглотила таблеток пять или десять атаракса⁴⁹, который мне тем летом прописали от сенной лихорадки. Как и все антигистамины, атаракс дает сильный снотворный эффект, так что я надолго заснула – настолько, что пропустила все уроки плавания на озере и утренние молитвы у флагштока до самого конца недели – чего, собственно, и добивалась. Я вообще не понимала, как меня втянули во все это – неспешное чередование ньюкомба⁵⁰, кикбола и футбола, басса, плетения из паракорда, все эти занятия по расписанию, которые нужны были лишь для того, чтобы немного потянуть время, пока мы неумолимо приближаемся к смерти. Даже тогда я своим умом двенадцатилетки понимала, что жизнь – это попытка отвлечься от неизбежного.

Я смотрела, как другие девчонки, стоя между коек, сушили феном волосы в предвкушении ночных развлечений, учились накладывать голубые тени, готовясь стать девушками, как они выдумывали разные проблемы с мальчиками вроде: «Как ты думаешь, я ему нравлюсь?» Я наблюдала, как их подача в теннисе становилась все сильнее, как они овладевают простенькими техниками первой помощи, втискивают себя в узкие джинсы Sasson, а поверх – атласные стеганные курточки, розовые или фиолетовые, – и все никак не могла понять, кого они, в конце концов, пытаются одурачить. Разве им не ясно, что все это – просто течение жизни, движение, движение, движение – и все в никуда?

⁴⁸ Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб.: Наука, 2014, с. 151.

⁴⁹ Атаракс – препарат, обладающий антигистаминным, противорвотным и седативным действием.

⁵⁰ Ньюкомб – вариация волейбола. (Примеч. пер.)

Вокруг сплошной пластик, и мы рано или поздно умрем, так какая разница? Мой девиз. Стоило мне принять атаракс, как я погрузилась в блаженный сон, и никому в лагере даже не пришло в голову, что со мной что-то не так. Наоборот, наконец-то все было *так*. Я ничего не чувствовала, и это было приятно, прямо как в строчке из песни Pink Floyd, которая стояла у меня на повторе тем летом. Скорее всего, я тогда приболела – ничего серьезного, обычная простуда или кашель, но я подолгу валялась в постели. Мне не хотелось возвращаться в лазарет, где диметап, липкая микстура с якобы виноградным вкусом, считался лучшим средством от всех болезней⁵¹. Вокруг все, наверное, думали, что я отдыхаю и прихожу в себя после легкого гриппа. Или же им казалось, что я и кровать – это норма, точно так же, как мои одноклассники считали нормой, когда я вместо того, чтобы проводить обед в столовой, пряталась в раздевалке, покрывая свои ноги черточками от порезов бритвой, развлекая себя видом собственной крови, словно так и надо проводить время между 12:15 и 13:00 в школе. Если кто-то из психологов и пытался вытащить меня из кровати, то они видели, что я в полной отключке, и, наверное, решили, что проще всего будет оставить меня в покое. Никому особо не было до меня дела.

Кажется, в конце концов тревогу забила Лисанн. Мое тело, накрытое шерстяным одеялом, превратилось в странную константу нашей спальни. Через несколько дней у моей койки объявилась женщина, которая возглавляла команду психологов, – думаю, для того, чтобы уговорить меня показаться врачу. Мне хотелось дать ей понять, что больше всего я как раз жажду внимания врача – да хотя бы *какого-нибудь* внимания, но не получалось даже просто пошевелиться.

– Ну, и как ты себя чувствуешь сегодня? – спросила она, присев у меня в ногах и пытаясь как-нибудь пристроить рядом папку с расписанием занятий в лагере. Я посмотрела на ее ноги и, хотя перед глазами все расплывалось, все равно заметила варикоз. Зато кеды у нее были безукоризненно белоснежными, словно она надела их впервые.

Все в порядке.

– Может, сходишь поиграть в волейбол с соседками по комнате?

– Нет, – что, разве похоже, что я хочу играть в волейбол – я, скорчившаяся под шерстяным армейским одеялом, дрожащая от холода в разгар июля?

– Ну, что же, – продолжала она как ни в чем не бывало, – тогда, может, тебе стоит поговорить с медсестрой, и мы разберемся, в чем дело. У тебя есть температура? – Она приложила ладонь к моему лбу – жест, который моя мама считала проявлением материнского авторитета, но никак не надежным индикатором болезни. – Нет, нет, – покачала головой. – Скорее всего, тебе просто холодно. Это потому, что ты ничего не ела.

Интересно, подумала я, что она обо мне знает? Заглядывала ли в мое личное дело, да и есть ли в лагере личные дела? Знала ли она, что мне вообще здесь не место? Понимала ли, что мама отправила меня сюда, чтобы на восемь недель получить передышку от роли матери-одиночки? Знала ли, что у нас не было ни гроша, что меня сюда отправили в рамках благотворительной программы, потому что моя мама надрывалась на работе за крошечную зарплату и не знала, что со мной делать во время школьных каникул? Понимала ли, что все это было огромной ошибкой?

– Послушайте, мне не так и плохо. – Я хотела ей приоткрыться. Я надеялась, что если скажу ей всю правду, она настоит на том, чтобы моя мама немедленно приехала и забрала меня отсюда, а ничего другого мне и не нужно было. – Просто у меня аллергия, ужасная аллергия, и пару дней назад я пила таблетки, наверное, выпила слишком много, потому что с тех пор не могу даже пошевелиться.

– Что именно за таблетки?

⁵¹ Диметап – препарат, облегчающий симптомы простуды.

Я полезла в тумбочку, где держала свои кассеты, книги и таблетки, и потрясла перед ней полупустой баночкой, словно детской погремушкой: «Атаракс. Мне доктор прописал».

– Понятно.

Двенадцати мне еще не было, так что списать все на переходный возраст не получалось. И объяснить никак не получалось. Ни у нее, ни у меня.

Я поймала себя на том, что хочу рассказать все этой взрослой женщине, у которой волосы были подстрижены так красиво, что, если накручивать их на бигуди каждую ночь, можно было все время ходить с настоящей прической, – женщине, которую наверняка звали Агнес или Харриэт – имя, по которому было понятно, что она на целое поколение старше моей матери. Хотела открыть флакончик с атараксом и показать ей, что «надежной» белой крышечкой ребенка не провести. Показать ей эти твердые, хорошенькие таблетки черного цвета. Черная прелесть, так я их называла про себя. Они манили меня, манили красотой, убийственной настолько, что невозможно было устоять и принять только одну. Маленькие черные ангелы смерти. Ну и что, что это был обычный антигистаминный препарат, может, даже не сильнее тех, что покупают в аптеке без рецепта. Ну и что, что человек, который мне их прописал, имел в виду только пыльцу, от которой у меня опухали глаза и я ходила с забитым носом. Ну и что.

Все равно я никак не могла объяснить ей, что меня постоянно мучают страшные мысли, не могла объяснить, что уже отпугнула всех соседок, тащившихся по Донне Саммер и Sister Sledge, ссорившихся из-за ролей Джона Траволты и Оливии Ньютон-Джон, когда они под фанеру разыгрывали в комнате «Бриолин», а я по ночам слушала Velvet Underground на своем дешевеньком плеере. Разве они могли понять, что нет никакого смысла в том, чтобы слушать музыку диско и танцевать по нашей комнатке, если можно лежать на бетонном полу в ванной при свете одинокой лампочки и позволять голосу Лу Рида заманивать меня в жизнь, полную отрицания?

Ни психолог, ни кто угодно другой никогда не смог бы этого понять – что я не хочу быть такой. Что я завидую другим девчонкам из-за того, что они сходят с ума по мальчикам, что они могут быть шумными, веселыми. Что я тоже хочу откидывать волосы за спину, и флиртовать, и шалить, но почему-то просто *не могу* – не осмеливаюсь – даже попробовать. Что мне будет ужасно плохо, когда через пару недель придет время праздновать мой день рождения за ужином, где будет торт с глазурью. Что когда все начнут петь, а я задую свечи, это будет полным провалом, потому что все будут знать, что и торт, и песня, и остальное – всего лишь тщательно продуманный акт жалости или соблюдения приличий со стороны людей, которые только делают вид, что дружат со мной. Ни психолог, ни кто угодно другой не поверил бы, что я не всегда была такой, что в первом классе я заставила всех девочек считать, что я главная (элементарный трюк, простенькая пирамида Понци: если они не соглашались признать меня боссом, то никто из тех, кого я уже приняла в свою группку, не имел права дружить с ними), а учителю пришлось устроить собрание и объяснять, что все равны и свободны и никаких боссов здесь нет, но мои друзья все равно отказались отречься от меня как лидера. Как мне заставить ее поверить, что это я держала одноклассников в страхе, я была популярной, я снималась в рекламе памперсов в шесть месяцев, а потом и в роликах Hi-C и Starburst, написала серию книжек о домашних питомцах в шесть лет, пьесу по «Убийству на улице Морг» – в семь, а в восемь сама сделала из цветной бумаги, маркеров и темперы книгу с рисунками под названием «Пингвин Пенни», и поэтому ни один человек в здравом уме не смог бы поверить, что я дошла до такого: чуть не покончила с собой в одиннадцать.

Мама считала, что все эти перемены вызваны первой менструацией, как будто менструальная кровь всех сводила с ума, как будто это просто был такой период в жизни, и я могла, в конце концов, поехать в летний лагерь как любой нормальный ребенок. И если моя мама не понимала, что со мной происходит, то как я могла довериться допотопной психологине, которая уже вынесла осторожный вердикт: по ошибке я приняла слишком много таблеток, навер-

ное, из-за постоянного дождя моя сенная лихорадка обострилась так сильно, что я немного переборщила. «Ты же понимаешь, что должна была отдать все рецептурные лекарства медсестре, – сказала она, как будто это все еще имело значение. – Ты должна была сделать это в начале лета. Она бы выдавала их тебе по графику».

Мне стоило сказать: *«Я похожа на человека, которому есть дело до лекарств-по-грабано-ному-графику? Похожа?»*

В общем, никаких результатов эта милая беседа не дала. Я увидела, что она приглушенным голосом объясняет другим психологам, почему я так долго спала, а на следующий день кто-то из врачей посерьезнее заглянул ко мне, но в остальном жизнь шла своим чередом.

Почему-то родители не стали просить, чтобы лагерь «Горы Поконо» отправил меня домой. Да что там, когда эта женщина, психолог, рассматривала баночку атаракса, было понятно, что она считает, что опасность для меня представляют именно таблетки, а не я сама. Когда я вернулась домой, мама даже не упомянула историю с атараксом. Папа – в одну из наших субботних встреч, становившихся все более редкими, хорошо, если раз или два в месяц, – все же сказал что-то там про беспокойство. Но мне кажется, что в итоге все решили, что произошла ошибка. Маленький ребенок пробует играть со спичками, и как итог – ожог; подросток, у которого больше возможностей накосячить, принимает слишком много таблеток, и как итог – назовем это небольшим передозом таблеток. Бывает.

В понедельник утром, через два дня после вечеринки, я возвращаюсь в «Дом Крэка на Пятой авеню», также известный, как офис доктора Айры. На часах три, для меня рановато.

Доктор Айра ругает меня за то, что я бросила принимать литий, не посоветовавшись предварительно с ним. Я объясняю, что запаниковала, базедова болезнь и все такое. Он объясняет, что благодаря анализу крови каждые два месяца мы заметим мельчайшие предвестники болезни задолго до того, как она выйдет из-под контроля, и сможем предупредить чрезвычайную ситуацию. Звучит убедительно. Я не могу и не хочу спорить. К тому же доктор Айра говорит, что с моим вторым анализом крови все было отлично, никаких отклонений от нормы. Он считает, что это была простая компьютерная ошибка, запятая не на том месте, и 1,4 превратились в 14. И сейчас показатели уровня тиреотропного гормона идеальные, 1,38.

Само собой, я понятия не имею, что значат все эти цифры, да и желанием спрашивать тоже не горю. Но внутри что-то ноет, и я никак не могу поверить, что все может быть так просто. Вот о чем я думаю: у прозака почти нет побочных эффектов, у лития они есть, но немного, и, по сути, их комбинация превращает меня в адекватного человека – по крайней мере, большую часть времени. Но я подозреваю, что если лекарство в принципе может быть настолько эффективным и настолько сильно влиять на меня, то оно просто не может не навредить, пусть даже не сейчас, а в будущем.

Я как будто слышу, как спустя двадцать лет какой-нибудь врач шепотом произносит: *«Неоперабельный рак мозга»*.

В том смысле, что, если верить закону сохранения энергии, ни материю, ни энергию нельзя уничтожить, можно лишь превратить во что-то еще, и я до сих пор не могу точно сказать, что случилось с моей депрессией. Полагаю, она все еще торчит где-то у меня в голове, разрушает серое вещество или, еще хуже, ждет, пока часики прозака перестанут тикать и она сможет снова наброситься на меня, отправить меня прямиком в кататонию, как тех персонажей из «Пробуждения»⁵², которые оживают на пару месяцев, но потом леводопа⁵³ перестает работать, и они снова впадают в ступор.

⁵² «Пробуждение» – фильм, снятый по книге мемуаров Оливера Сакса, про эпидемию летаргического энцефалита (1917–1928), 1990 г.

⁵³ Леводопа – лекарственное, противопаркинсоническое средство.

Каждый раз, когда я прихожу на прием, я делюсь своими опасениями с доктором Айрой. Говорю что-нибудь вроде: «Да ладно, давайте начистоту, если это лекарство так сильно мне помогает, то у него наверняка должны быть еще не изученные побочные эффекты».

Или пробую с другой стороны: «Послушайте, мы оба знаем, что я была в числе первых пациентов, которые стали принимать прозак, как только FDA⁵⁴ его одобрило. Откуда мы знаем, что я не стану прецедентом, который докажет, что прозак способен вызвать, ну, скажем, *неоперабельный рак мозга?*»

Он говорит всякие успокаивающие вещи, снова и снова объясняет, насколько тщательно наблюдает за моим состоянием – при этом признавая, что психофармакология скорее искусство, а не наука, что и он, и его коллеги, по сути, бредут в темноте на ощупь. И ведет себя так, будто миллионы врачей не говорили то же самое женщинам про диэтилстильбэстрол⁵⁵, про внутриматочную спираль, про силиконовые импланты для груди, как будто они не утверждали, что валиум не вызывает зависимости, а триазолам⁵⁶ – всего лишь безобидное снотворное. Как будто коллективные иски против фармацевтических компаний еще не стали привычными.

В любом случае на следующий день я отправляюсь в Майами-Бич, и я так устала быть несчастной, что принимаю две маленькие бело-зеленые капсулы прозака, когда выхожу из его кабинета, и каждый день прилежно пью двойную дозу лития вместе с двадцатью миллиграммами пропранолола – бета-адреноблокатора, который понижает давление, потому что без него из-за лития у меня дрожат руки и меня постоянно трясет. За одними лекарствами всегда следуют другие.

И я не могу поверить, когда смотрю на себя в зеркало, словно со стороны, глазами других людей: молодая, полная сил, двадцать пять лет, румяная кожа, заметно очерченные бицепсы – черт, не могу поверить, что здоровый человек в своем уме не способен понять, что в моей жизни слишком много проклятых таблеток.

⁵⁴ FDA – Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. (*Примеч. пер.*)

⁵⁵ Диэтилстильбэстрол – один из первых синтетических нестероидных эстрогенов.

⁵⁶ Валиум, триазолам – лекарственные средства, обладающие снотворным действием.

1

Девочка, подающая надежды

И вдруг, пока Селден отмечал все тончайшие оттенки, которыми она творила гармонию в этом круге, его посетило откровение: раз возникла необходимость столь ловко управлять ситуацией, ситуация должна быть действительно отчаянная.

Эдит Уортон. В доме веселья⁵⁷

Бывает, что самые тяжелые ситуации, как мгновенный взрыв, ни с того ни с сего вносят полную ясность. Ты бьешь кулаком по оконному стеклу, и вот уже повсюду кровь, забрызганные красным осколки стекла; ты выпадаешь из окна и ломаешь пару костей, раздираешь кожу. Швы и гипс, лейкопластырь и антисептик исцеляют и успокаивают раны. Но депрессия – не чрезвычайная ситуация и не стихийное бедствие. Скорее, она похожа на рак: вначале его не разглядит самый опытный врач, а затем однажды – бам! – в твоём мозгу, или желудке, или под лопаткой уже живет смертоносный комок весом семь фунтов, и эта штука, выращенная твоим собственным телом, на полном серьёзе собирается тебя убить. Так и депрессия: медленно, год за годом, сердце и разум вбирают в себя информацию, а в организм встраивается компьютерная программа полного отчаяния, постепенно делая жизнь все более и более невыносимой. Но запуск этой программы ты даже не заметишь, будешь думать, что все в норме, ты взрослеешь, тебе вот-вот исполнится восемь лет, или двенадцать, или пятнадцать, а потом приходит день, когда ты понимаешь, что твоя жизнь исключительно ужасна, продолжать жить бессмысленно, это кошмар, черное пятно на белом полотне человеческого существования. И однажды утром ты просыпаешься от страха – страха оттого, что надо продолжать жить.

Правда, меня сама мысль о жизни вообще не пугала, потому что я считала, что и так уже умерла. Сам же процесс умирания, увядание моего физического тела, был всего лишь формальностью. Мой дух, мои эмоции, как бы вы ни называли весь этот внутренний беспорядок, – все это не имело ничего общего с физическим состоянием, все это давно исчезло, отмерло, оставив в живых лишь давление самой чертовски богонеспасаемой боли, которая выматывала мне нервы, а позвоночник зажала раскаленными щипцами и не отпускала.

Вот что я пытаюсь объяснить: депрессия никак не связана с жизнью. В жизни случаются и грусть, и боль, и горе, и все они естественны, если приходят в свое время, – неприятны, но совершенно естественны. А вот депрессия – это совсем другой мир, и в нем главное – отсутствие: отсутствие аффекта, отсутствие чувств, отсутствие ответных реакций, отсутствие интереса. И неотделимая от серьезной клинической депрессии боль – попытка природы (которая, в конце концов, не терпит пустоты) заполнить этот вакуум. И люди, переживающие глубокую депрессию, больше всего похожи на зомби, живых мертвецов, во всех смыслах.

А страшнее всего, что спроси любого, кто переживает депрессию, – как он до такого докатился, где свернул не туда, – никто не ответит. Как в том знаменитом эпизоде из романа «И восходит солнце»⁵⁸: Майка Кэмпбелла спрашивают, как он разорился, и все, что он может ответить: «Постепенно, а затем внезапно». Когда меня спрашивают, как я сошла с ума, я всегда прячусь за эту фразу.

Думаю, что все началось, когда мне было одиннадцать или около того. Может, десять, или двенадцать, но точно до наступления подросткового возраста. А поскольку о половом созревании еще не было и речи, то и предвидеть никто ничего не мог.

⁵⁷ Уортон Э. В доме веселья: роман / пер. с англ. Е. Калявиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015, с. 261.

⁵⁸ «И восходит солнце» – роман Э. Хемингуэя, 1925 г. Цитата, вероятно, взята из экранизации романа 1957 г.

Я помню тот день, 5 декабря 1978 года, мне было одиннадцать, я обнаружила на своих белых хлопковых трусиках какие-то коричневые пятна, и это явно была засохшая кровь. Вечером мы с мамой пошли в Bloomingdale's – выбирать в Bloomingdale's, покупать в Alexander's, такое у нас было правило, – чтобы купить зимнее пальто, и я рассказала ей, что заметила пятна на нижнем белье, что, наверное, у меня начались месячные (в начальной школе, где я, собственно говоря, тогда училась, мы с Лисанн прочитали про менструацию в книжках Lifecycle⁵⁹), а в ответ она только и смогла сказать: «О нет». Может, потом она добавила что-нибудь вроде: «Господи, помоги, беда постучалась в мою дверь». В любом случае, что бы она там ни сказала, я четко поняла одно: начиная с сегодняшнего дня я буду меняться и становиться мрачной и проблемной, да что там, я уже мрачная и проблемная.

Каждый раз, когда я пытаюсь понять, где свернула не туда, когда именно по собственной глупости выбрала не ту из двух дорог, первое, о чем я думаю, – что раз я родилась прямо в разгар Лета любви (31 июля 1967 года), на перекрестке самых разных социальных революций, от браков по взаимному согласию до феминизма, свободной любви и Вьетнама, и их последующего вытеснения панк-роком и рейганомикой, – то иначе и быть не могло. Мне, конечно, ненавистна сама мысль, что развитие личности, со всей сложностью и неповторимостью каждого человека, можно свести к простенькому объяснению вроде «такое было время», но все же контркультура шестидесятых – вместе с ее альтер эго, алчностью восьмидесятых, – оставила на мне бесчисленные отпечатки.

В любом случае меня вырастили не какие-нибудь пьяные в хлам, сумасшедшие родители-хиппи, что укуривались в Центральном парке, разгуливая с торчащим из слинга ребенком, притащили меня на Вудсток, когда мне было два, и из-за своей безрассудной постподростковой безответственности умудрились испортить во мне все, что только было можно. Скорее, все было как раз наоборот. Моя мама была яркой республиканкой и трижды голосовала за Никсона и поддерживала расширение военных действий во Вьетнаме; а еще, будучи студенткой Корнелла, в начале шестидесятых, она даже ходила слушать Уильяма Фрэнка Бакли-младшего⁶⁰. Мама рассказывала, что в ее либеральном колледже оказалось так мало желающих послушать Бакли, что ей пришлось расстелить пальто поверх нескольких кресел, как будто она заняла их для знакомых, что вот-вот придут. (Кстати, моя мама – единственный известный мне человек, который продолжает считать Оливера Лоренса Норта⁶¹ героем.) Отца же политика не интересовала вообще, у него не было карьерных амбиций, и он был мелкой сошкой в какой-то гигантской корпорации. Он носил короткую стрижку, ботанские очки в стиле Бадди Холли⁶², читал Айзека Азимова и слушал Тони Беннетта. Когда мне было восемь, он как-то упомянул, что со стороны президента Форда простить Никсона было дерьмовым поступком, потому что врать всегда плохо, – самый близкий к политике разговор из всех, что я помню. Короче говоря, в моих родителях не было ничего необычного, хотя время от времени они и покупали плохие альбомы Мэри Трэверс⁶³.

Родители, как и большинство предков моих сверстников, мало напоминали тех свободолюбивых, расслабленных, ни к кому и ни к чему не привязанных беби-бумеров, которые определили шестидесятые. Для всего этого они, родившись в 1939-м и 1940-м вместо 1944-го и

⁵⁹ *Lifecycle* – буквально «жизненный цикл».

⁶⁰ *Уильям Фрэнк Бакли – младший (1925–2008)* – американский писатель, публичный интеллигент, основатель консервативного издания *National Review*, сочетавшего традиционализм и либертарианство.

⁶¹ *Оливер Лоренс Норт (р. 1943)* – бывший офицер морской пехоты США, уволенный из Совета национальной безопасности США в 1987 г. в связи с участием в политическом скандале «Иран-Контрас». (*Примеч. пер.*)

⁶² *Бадди Холли (1936–1959)* – американский певец и автор песен, одна из ключевых фигур рок-н-ролла 1950-х гг. В начале своей музыкальной карьеры он, по совету братьев Дона и Фила Эверли из группы *The Everly Brothers*, стал носить очки в роговой оправе. Вскоре очки «как у Бадди Холли» стали популярны среди американских подростков. (*Примеч. пер.*)

⁶³ *Мэри Трэверс (1936–2009)* – американская фолк-рок-певица.

1945-го (когда культура становится настолько стремительной, пять лет – огромная разница), были слегка староваты. К началу шестидесятых большинство родителей моих ровесников уже окончили колледж и перешли в будничный рабочий мир – за несколько лет до того, как студенческие протесты, антивоенная деятельность и зарождающаяся культура секса, наркотиков и рок-н-ролла стали обычным делом.

К тому времени, когда радикальные шестидесятые вышли на пик, мы, дети, уже родились, и наши родители внезапно обнаружили, что не знают, чему можно верить: старомодным представлениям о том, что дети должны расти в традиционной семье, или непонятному новому ощущению, что возможно все, что другая жизнь возможна, стоит лишь протянуть руку. И вот они уже связаны узами брака, потому что это считалось обязательным, в комплекте с детьми, рожденными почти случайно, в мире, который внезапно стал скандировать: «Долой обязанности! Долой случайности!» Разминувшись на пару лет с возможностью по полной насладиться плодами культурной революции, наши родители остались ни с чем. Свобода не свалилась им на голову, она обошла их по касательной. И вместо того, чтобы не спешить со свадьбой, они стали разводиться; а вместо того, чтобы стать феминистками, нашим матерям пришлось стать домохозяйками без дома. Множество неудачных браков было расторгнуто людьми, оказавшимися недостаточно молодыми и свободными (читай – от детей) для того, чтобы начать все заново. И их недовольство, ощущение, будто их загнали в тупик, вылилось на нас. Воспитывать ребенка вместе с человеком, которого ты со временем начал презирать, наверное, сродни ощущению, что ты попал в страшную аварию, а затем всю жизнь вынужден навещать парализованного человека, который сидел во второй машине: «Никто не позволит тебе забыть о своей ошибке».

Мои родители – идеальная тому иллюстрация. Бог знает, что в них вселилось, когда они в принципе решили пожениться. Может, дело было в маминых многочисленных двоюродных братьях и сестрах, потому что, когда они все стали играть свадьбы по очереди, она вроде как обязана была последовать их примеру. В конце концов, если посмотреть на ситуацию ее глазами, в начале шестидесятых брак был единственным способом вырваться из родительского дома. Мама хотела учиться в Корнелле на архитектора, но бабушка сказала, что в лучшем случае женщина может рассчитывать стать секретаршей у архитектора, и чтобы подблизиться к этой цели, мама пошла на факультет истории искусств. Третий год учебы она провела в Сорбонне, попадая во все тщательно продуманные приключения, как и положено девочке из еврейской семьи в Париже: брала напрокат мопед, ходила в черной накидке⁶⁴, встречалась с парочкой аристократов, но, окончив колледж, вернулась к родителям, чтобы оставаться рядом с ними, пока ей не повезет переехать в дом своего мужа. (Само собой, находились и женщины похрабрее, которые отказывались следовать этому правилу, брали жизнь в свои руки и снимали квартиры-поезда⁶⁵ с подружками, женщины, которые работали, ходили на свидания, театральные премьеры и разные лекции, но моя мать не из их числа.) Она начала работать в программе подготовки администраторов универмага Macy's, и однажды, поднимаясь на эскалаторе с первого этажа в мезонин, она проехала мимо моего отца, спускавшегося на эскалаторе в обратном направлении. Не прошло и года, как они поженились.

А когда поженились, стали творить странные вещи. Папа устроился на работу в IBM, и они переехали в Покипси, где мама начала сходить с ума от скуки и завела обезьянку по имени Перси. Потом она забеременела мной, решила, что ребенок лучше обезьяны, и переехала в Нью-Йорк, потому что больше не могла прожить ни дня в городе, наполовину состоявшем из колледжа Вассар, а наполовину из компании IBM. Отец отправился следом за ней, родилась я, они постоянно ссорились, были несчастны, папа отказался от высшего образования, они стали ссориться еще больше, а потом наступил день, когда я принялась реветь и отказывалась успо-

⁶⁴ В оригинале саре, то есть, пальто-накидка без рукавов. (Примеч. пер.)

⁶⁵ Квартира гостиничного типа с изолированными комнатами, располагающимися в длинном коридоре.

каиваться. Мама позвонила отцу на работу и сказала, что, если он немедленно не вернется домой и не найдет способ меня успокоить, она выбросит меня из окна. Не знаю, что именно папа сделал, когда добрался до дома, но, видимо, это сработало, потому что я все еще жива, но, скорее всего, именно в тот момент их союз дал трещину. Вскоре после того случая они решили повесить в квартире картину, и мама категорически отказывалась держать гвоздь, чтобы папа мог забить его в стену; она была уверена, что он промахнется и ударит ей по пальцам, и все закончится синяками и переломами. После этого они отправились к семейному психологу, про которого прочитали в журнале *rehsbd*: психолог заставил их анализировать собственные отношения на примере игрушечных поездов. Их железнодорожная ситуация убедила психолога в том, что родители были безнадежны. Мама выгнала отца из дома, и он отправился домой, в построенный из шлакоблоков жилой комплекс на Брайтон-Бич, где жили его мама с папой, диабетиком и алкоголиком, и на этом история завершилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.